

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 36–42

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 36–42

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

Научная статья

УДК 929.5:811.161.1'27

Семейные родословные как речевой жанр

В. К. Харченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы, wera_kharchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

Аннотация. Жанр семейные родословные получает сейчас всё большее распространение, однако как речевой жанр он почти не исследован. Автор приступил к сбору материала по родословию в 2002 году, составлен личный архив семейного родословия в 30 томах, частично это отражено в базе данных «Фрагменты семейных родословных»: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г. Защищены три диссертации, опубликован большой объем статей, есть книги. И сейчас встает вопрос об особенностях родословных как речевого жанра. На эту тему выводит подготовка книги «История Родины в зеркалах семейного родословия» (Белгород, 2021. 420 с.). Оказывается, именно фрагменты из родословных, взятые во множественном числе, и комментарии к ним позволяют более объективно рассмотреть историю страны во всех её противоречиях и катаклизмах. Фрагменты родословных становятся материалом исследования. Первая часть книги историческая (революция, двадцатые годы, тридцатые и т. д.), а вторая – семейная (дед, бабушка...). Между этими частями среда обитания, пространственный сектор, без которого нельзя обойтись. В конце делается пробор в современность, при этом подчёркивается, как семейные родословные страховали от многих бед. Статья нацеливает и на изучение семейного родословия, и на запись того, что ещё можно записать и сохранить для будущих потомков.

Ключевые слова: семейные родословные, история родины, прошлое, среда обитания, род, бессмертие

Для цитирования: Харченко В. К. Семейные родословные как речевой жанр // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 36–42. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Family pedigrees as a speech genre

V. K. Kharchenko

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Vera K. Kharchenko, wera_kharchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8398-314X>

Abstract. The genre of family pedigrees is now becoming more widespread. However, as a speech genre, it has hardly been studied. The author began collecting data on genealogies in 2002, compiled a personal archive of family genealogies in 30 volumes, which is partly reflected in the database “Fragments of family genealogies”: certificate of state registration of the database No. 2014620814 dated June 3, 2013. Three dissertations on this issue have been defended and a large number of articles and books have been published. Now arises a question of the peculiarities of pedigrees as a speech genre. The preparation of the book “History of the Motherland in the Mirrors of Family Genealogy” (Belgorod, 2021, 420 p.) brings up this topic. It turns out that it is fragments from genealogies, taken in the plural, and comments to them that allow us to more objectively consider the history of the country in all its contradictions and cataclysms. Fragments of pedigrees become research material. The first part of the book deals with history (the revolution, the 1920s, the 1930s, etc.), the second – with family (grandfather, grandmother ...). Between these parts there is a life environment, a spatial sector which we cannot avoid. In the end, a forward is made to the present time with the emphasis on how family genealogies

insured people against many troubles. The article aims both at the study of family genealogy and at recording what else can be recorded and preserved for future descendants.

Keywords: family genealogies, history of homeland, past, life environment, kindred, immortality

For citation: Kharchenko V. K. Family pedigrees as a speech genre. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 36–42 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-36-42>, EDN: PQMFFO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

А начиналось всё в 2002 году буквально с анекдота. Надо было придумать такую зачётную тему по дисциплине «Культура речи» для слушателей курсов Белгородского отделения Орловской академии государственной службы, чтобы исключить возможное копирование с интернета, с одной стороны, и возможное обвинение всех и вся в засорении русского языка, с другой. И тема была придумана: «История моей семьи». Впоследствии мы применяли это требование к студенческим работам, так что арсенал материала постоянно рос, расширялся. Перед сочинением мы предупреждали: можно не писать о том, что таится в недрах семьи (о пьянстве и суициде, разводах и предательстве), но и без этого сами тексты давали очень много информации. Конечно же, некоторые авторы ограничивались схемами генеалогического древа и краткими сведениями по истории семьи: как звали, когда тот или иной человек родился, кем работал, когда умер, но таких работ было совсем немного. Гораздо больше было искренних рассказов о своей семье, прочитывалось желание поделиться историей рода, рассказать о незабываемых мелочах, о случайностях, на которых выстраивался род. Более того, в конце этих написанных публикаций были и слова благодарности за тему. Работа продолжалась в самых разных направлениях. Были защищены три диссертации. В 2004 году диссертация А. А. Павловой «Концептосфера внутрисемейных родословных» [1], в 2005 году диссертация Н. Н. Рухленко «Концепт “Семья” в жанре семейных родословных» [2] и в 2009 году диссертация Е. М. Черниковой «Имена собственные в жанре семейных родословных» [3]. Выходили статьи. Мы продолжали свой поиск. Накапливался новый материал. «Фрагменты семейных родословных», собранные В. К. Харченко, составили электронную базу: свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г. И сейчас, взглядываясь в свой архив семейных родословных, а это 30-томное собрание сочинений [4], мы начинаем понимать, что перед нами по существу новый речевой жанр, требующий пристального внимания и специального изучения.

Основная часть

Почему же это речевой жанр, ведь перед нами письменные работы, продуманные, проверенные, не единожды рассмотренные внутри семьи? Отвечаем: потому, что в основе этих работ лежат устные рассказы предков-предшественников о своём роде, своей семье. Устные рассказы? Да, но здесь и требование самого жанра: не превращать повествование в долгий рассказ о судьбе одного человека, не увлекаться метафорами, сравнениями (языковой ландшафт должен быть минимальным) и самое главное – это выстраивание единой линии бытия своей семьи, своего рода.

Как речевой жанр семейные родословные налагают свои особенности. В очень многих сочинениях в самом начале идёт сетование про Иванов, семьи не помнящих, а в конце нередко прописывается сожаление о том, что из-за невнимательности к своему прошлому малоვაго получилось текста, а спросить уже некогда. И тут же пестуется, лелеется надежда, что дети, внуки, правнуки продолжат этот важный, но будто бы такой незаметный труд.

А язык? О, здесь мы иногда встречаем особые формы или, во всяком случае, стремление избегать насаждаемых жанром параллелей. Язык семейных родословных дарует нам особые обороты, пословицы, знаковые слова, сентенции. *Бабушка хорошо владела и пилой, и иглой. На белом свете, маковом цвете. Дед был рукастый: мог любую мебель сделать. Первый раз не горазд.* Когда заходит речь о языке, приходится неоднократно удивляться: в семейных родословных нет пресловутых оборотов из компьютерной лексики, исчезают современные словечки, даже если они были в повседневной речи пишущего. Скажем острее: семейные родословные создаются на лучшем русском языке. Где же таится этот лучший русский язык? Он ещё сохраняется в любительских стихах и письмах родным, в выступлениях на производстве и в ситуациях утешения, поддержки, когда мы говорим с детьми и когда общаемся с лицами «серебряного возраста», в интимном, потаённом общении и, конечно же, в языке семейного родословия.

Пора привести отрывок из семейных родословных.

Прабабушка Патрихалина Ульяна Марковна – дочь купца-лавочника, происхождением – с территории Западной Украины (по другим данным – Польши), была человеком глубоко верующим (даже при Советской власти), за что часто страдала. Обладала силой слова Божьего – была народным целителем. Всю жизнь занималась знахарством и лечением при помощи молитв и трав. Воспитала достойными людьми одиннадцать детей. Сохранила семью в период голода 1933 года (никто не умер от голода). В 1941 году отправила на фронт четверых сыновей. Каждому дала по иконке («Иисус-спаситель»). Все четверо вернулись в 1945–1946 целыми и невредимыми (А. П.)

Перед нами скупое, подчёркнуто сдержанное повествование, однако какое сильное воздействие оказывает оно на читателя этих строк!

Спросим себя: что можно исследовать на материале семейных родословных? О, здесь широкий простор для анализа!

Во-первых, это сам речевой жанр – семейные родословные, их объективность по содержанию и отточенность формы, много раз проговариваемой внутри семьи.

Когда моему папе было лет пять, он любил забираться в кабинет своего отца (дедушка был профессором по телефонной связи) и синим карандашом чертил на бумагах свои фантазии. А в институте у деда был преподаватель Кишко, который написал донос на Николая Александровича, и пришли с обыском, заметили эти детские рисунки, решили, что это шифровки, и деда арестовали. Бабушка пошла к знаменитой на весь Киев гадалке, и та сказала, что ничего делать не надо, что «в четверг раздастся стук в дверь, и муж вернётся, и вскоре вы все уедете из Киева». Все так и случилось. Семья переехала в Одессу (В. Х.).

Во-вторых, семейные родословные дают бесценный материал для изучения целого ряда вопросов. Здесь можно привести массу уже опубликованных нами статей. Это статьи о дворовых фамилиях, о структуре текста (брался анализ последних абзацев). Есть статьи о концептах в нарративах семейного родословия, об их значимости в регионоведении. Есть статьи о каталогах в семейном родословии, о фразеологизмах и фраземике, о лингвокультуроведении, о перцепции, об изучении текстов родословных как альтернативе асимметрии современного гуманитарного поиска. Писались статьи о становлении языковой личности, о развитии «музейной лингвистики», об интердискурсивности семейных родословных, о гетерозисе в родословном дискурсе, о взаимосвязи поколений...

Укажем и книги, в которых тематика родословных становилась исходным материалом для наблюдений и обобщений: А. А. Павлова «Жанр. Гипертекст. Интертекст. Концептосфера (на материале внутрисемейных родословных)» [5]; Н. Н. Рухленко «Концепт «Семья» в се-

мейных родословных» [6]; В. К. Харченко, Е. М. Черникова «Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных» [7].

Это всё значимо и ценно, но сегодня, сейчас мы остановимся на книге электронной, недавно изданной «История Родины в зеркалах семейного родословия» [8], написать, точнее составить которую нам продиктовала современная жизнь. Когда я писала статью «Память о войне: семейные нарративы 75-летней давности, фрагменты истории, судьбы» [9], я не думала ещё, что это станет толчком, поводом к написанию целой книги о прошлом, об истории нашей великой Родины. Но ситуации сейчас, а именно навязываемый пересмотр недавних ещё событий, разрушение памятников, воздействие на юные умы – потребовали такого воплощения.

История Родины и речевой жанр семейного родословия – как соотносить эти понятия? С одной стороны, семейные родословные дают объективную картину тем событиям, о которых идёт речь. Да, говорится о каком-либо человеке, но приводятся такие события, которые проливают свет на происходящее, даются объективные факты, написанные на основе будто бы субъективного рассказа. «Нет объекта без субъекта и нет субъекта без объекта». С другой стороны, сам речевой жанр семейного родословия требовал, чтобы в центре повествования стояла семья: дед, бабушка, отец, мать, а это налагало свой след на структуру повествования. Далее, история проходила часто по стержню, основе семьи, когда один брат выступал за красных, а отец и другой брат были за белых. Далее, просматривалось осязаемое противоречие между временем и пространством: когда вертикаль времени (двадцатые годы, тридцатые, сороковые...) сочеталась с горизонталью пространства: насиженные места становились чужими по воле постановлений партии или событий 90-х годов. А разрушенные семьи? Это тоже налагало отпечаток на повествование.

И все-таки мы попробовали выбрать из семейных родословных фрагменты и выстроить сюжетную линию. В первой части – это исторические события. Потом – пространственная характеристика. И наконец, взгляд на историю страны через судьбы близких людей. Но это не всё. В конце мы поместили «Изменения в XXI веке» (свыше двадцати пунктов!) с примерами из родословных, которые наперёд, на перспективу страховали от этих изменений и к которым можно прислушаться. Такова структура книги.

Как речевой жанр это научно-популярное издание потребовало соблюдения как минимум трёх составляющих. Во-первых, книга «История Родины» должна быть большой, иначе название работы провисает. Во-вторых, она должна

быть фрагментарной по существу, то есть состоять из фрагментов, взятых из самых разных семейных родословных, хотя читателю по мере чтения захочется узнать, что же было в дальнейшем с героями отрывка, но совокупный сюжет книги как раз этого не позволяет сделать. В-третьих, книга должна быть по возможности всеохватной, сочетающей в себе самые различные точки зрения, хотя в основе, в фундаменте их лежит образ великой Родины.

Инициалы после каждого фрагмента (две буквы от имени и фамилии) означали авторство самих отрывков, и нередко эти отрывки свидетельствовали о различном отношении, хотя в целом они и создают образ родины, проливая свет на многие стороны отечественной истории. Понятно, что о дальних предках многое не расскажешь, но как много говорится о репрессиях и раскулачивании, о целине и вынужденном переселении русских из бывших советских республик, о героизме во время войны и о стремлении создать и сохранить семью, несмотря ни на что. Время открывает нам историю, открывает сейчас, и эта история становится всё более актуальной. «И» – щедрый союз. Такое замечательное определение встречаем мы в словаре Андреса Неумана [10: 254]. И так, перед нами история, запечатленная в недрах семьи, история, изучать которую весьма полезно.

Когда мы выписывали и сортировали отрывки, нас не покидало ощущение, что здесь многое сказано, но что некоторые вещи нужно уточнить. Так зародилась форма изложения, когда перед серией фрагментов звучит голос составителя, собирателя. Приведём некоторые комментарии. Иногда эти комментарии располагаются внутри раздела, иногда и отсутствуют.

Труд. Поначалу мы планировали назвать этот и похожие параграфы в других разделах книги словосочетанием «Трудовые будни», но потом вдруг подумалось, какие же это будни? Крестьянский труд не знал деления на праздники и не праздники. Работа была непрерывной и напряженно-значимой.

Ленин. «Став по сути политзаключенным в конце жизни, Ленин в своей работе в Горках имел время поразмышлять. Вот запись личного секретаря Ленина М. Гляссер, сделанная ею в 1923 году, под диктовку умирающего вождя «освободительного восстания рабов»: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему веленью. Между тем это вопрос десятилетий и поколений... Попытка не удалась... Так вдруг переменить психологию, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попытаться загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке» (Знание – сила. 2017. № 4. С. 46).

Природа. Сад, лес, природа – всё это давало много человеку. «...Недавно критики восстали, что из современной словесности исчез пейзаж» [11: 81].

Счастливые события. Семейные родословные хранят и счастливые воспоминания о тех событиях. Эта вера в счастливое стечение обстоятельств помогала жить. Увы и ах, немодно стало писать о счастливых событиях, литература проществовала мимо них, а семейные родословные как раз повествуют, даже во время войны, – о счастье.

Среда обитания. До сих пор мы использовали семейные родословные, опираясь на движение времени, однако в семейных родословных не обойдены вниманием и некоторые факты пространственного характера, начиная с констатации местожительства и кончая признанием любви к этой малой родине. Здесь не столько движение, сколько статика, но какая!

Незаменимость отца в семье. Актуальность этого фрагмента книги как раз и состоит в необходимости восстановления авторитета мужчины, отца семейства. Каждый фрагмент из далее изложенных красноречиво открывает ту замечательную, ту особую роль, какую играл отец в семьях, какая ныне становится нередко утраченной. Это сказывается на воспитании мальчиков, но и девочек тоже. Дефицит отцовского влияния как раз и обуславливает перекосы в воспитании девочек – будущих жён. Вот почему свидетельства семейных родословных сейчас особенно значимы. Мы постепенно сталкиваемся с исчезновением патриархальной семьи, когда во главе семьи стоял дед, потом отец.

После этих слов идут фрагменты родословных в подтверждение этим и другим словам. Приведём некоторые из них.

...Прадед Иван был «кулаком», а прабабку звали Варвара. У прадеда было всегда много земли, скот, дед Борис говорит, что на столе всегда был хлеб, а не лепешки, а в чулане сало. Дед говорит, что Иван много работал, с утра до ночи, и раскулачили их не по чести, а со злобы (Л. Т.).

В анкете при поступлении в институт ей пришлось написать, что отец умер, иначе как дочери врага народа в институте ей не нашлось бы места. Всю войну бабушка училась, работала и боялась, что узнают правду (О. Б.).

Вера Михайловна была глубоко верующим человеком, никогда ни с кем не ссорилась. Во время Великой Отечественной войны прятала в подвале партизан, а когда немцы были в их деревне, то она их встречала с хлебом и солью, чтобы не привлекать внимание к её дому. В деревне думали, что она сошла с ума, потому что не знали, что у неё партизаны (К. В.).

Папа рассказывал и о мальчишеских шалостях послевоенных лет. Он до сих пор удивляется, как они с мальчишками остались целы. Ведь находили для игр достаточно опасные игрушки: патроны, мины, авиационные бомбы, оставленные на полях после войны. В память о том времени на его руках сохранились шрамы (А. Д.).

С местонахождением гарнизона нам повезло: это было недалеко от города и в то же время среди сопок на самом берегу Тихого океана. Здесь тебе и ягоды, и грибы, и шишки, и рябина, да и черный песок привлекал массу народа в теплые летние дни (Е. К.).

Бабушка рассказывала, что интересно было вечером на улице. То там, то тут разносились песни, шутки, смех, молодежи было много, а улица это единственное место отдыха после тяжелой колхозной работы. И вот на улицу пришел Михаил, подошел к скамеечке, раздвинул толпу и сел рядом с Аней. Ее и провожать ушел. Ваня-балалаечник встретил ее у колодца и сказал, что понимает, почему на Мишу выпал ее выбор, ведь он старше ее, да еще и военный. Мой дед к тому времени вернулся с Великой Отечественной войны, прошел ее с честью и достоинством, ему посчастливилось остаться в живых, чтобы дать жизнь нам – его детям и внукам. И жаль, что я почти ничего не знаю о его военных подвигах. Так и привел Михаил в дом своих родителей невесту (И. Ж.).

Оценка событий, цитация, стихи по случаю – всё это характеризует не только речь составителя родословных, но и сами цитируемые тексты, делая их объёмнее, распространяя изложение на других людей.

Как жаль, что из российского быта ушло понятие «наследного дома». Если бы в России в результате социальных передряг остался бы или образовался хотя бы скромный институт наследного дома, то это было бы уже очень значимо для династий, для родовой культуры (П. И.).

Пять лет назад у нас родился сын Андрей, а два года назад дочь Анна. Сыну давал имя я, а дочери – Зоя. А недавно встретил у И. Бродского стихотворение: «Мы будем жить с тобой на берегу, / Отгородившись высоченной дамбой, / Произведя на свет дитя, / Мы назовем Андреем или Анной». Строчки как о нашей семье (С. В.).

Как-то друг моего отца, грузин, рассказал притчу о том, как в раю встретились двое: молодой человек и старик. У старика был кувшин с вином. И сколько они из него не пили, вино в кувшине не убывало. И молодой человек спросил, почему кувшин у старика всегда полон. А старик ответил, что вино в кувшине будет до тех пор, пока его помнят (С. Б.).

И вот теперь я, тот самый внук, в жилах которого течет польская, цыганская и русская кровь, нахожусь в маленьком деревенском домике и чувствую всем своим существом, как с прошлым связан я через своих предков одной пуповиной. И связь эта не обрывается даже со смертью. Мертвые, они, предки наши, словно питают нас, живых, посылая сигналы невесть откуда. Я понял, что память наша живет их образами, их неистраченной энергией и добрыми помыслами (А. Н.).

История родины таится в биографиях людей, распространяющихся на судьбы тысяч других. Американский философ и историк Ральф Эмерсон утверждал: «Истории нет. Есть биографии». Мысль, конечно, крайняя, но в ней – большая правда (Наука и жизнь. 2004. № 10).

Я всегда восхищалась отношениями бабушки и дедушки. Они всегда шутят друг с другом и заботятся друг о друге. И через год у них золотая свадьба (А. М.).

У них был свой дом, в котором была большая русская печь, на которой внуки (моя мама и её сестра) любили лежать, на ней можно было спать двум взрослым людям. У прадеда с прабабушкой родилось 23 ребёнка. Несколько детей умерли, не дожив до года, несколько сыновей погибло в гражданскую и отечественную войны, в живых осталось пятеро, в их числе Анна Артамоновна, моя бабушка. Артамон Васильевич и Аграфена очень любили детей и тяжело переживали утраты. Они были очень здоровыми и до последних дней сами за собой ухаживали, никого не обременяли. Прабабушка Груня в 90 лет самостоятельно приезжала в гости из Тюмени в Петропавловск, без очков читала. Оба отошли в вечность во сне, не боля, прадед в 91 год, а прабабушка в 94 (Н. С.).

Однажды поздним вечером, возвращаясь с работы, дед встретил мальчика, который был одет в лохмотья и выглядел очень плохо. Дед Роман привёл его домой. С тех пор они не расставались. У деда родились ещё пятеро сыновей, все прекрасно ладили между собой и состоялись в жизни (Р. Б.).

Работая с текстами сочинений, мы ловили себя на мысли, что многих, очень многих моментов истории мы не знали.

Кампания называлась «Пальто горянке». Это было в 1927–1928 годах. Оказывается, женщины на Кавказе вообще ходили без пальто. Эта кампания должна была явиться наступлением в искоренении старых обычаев, неравноправного положения женщины, укоренившихся предрассудков. Было пошито и роздано около четырёх тысяч пальто (А. К.).

По воспоминаниям прабабушки, в 1933 году страну постиг голод, унесший много человеческих жизней. Люди, спасаясь от него, срывались с насыженных мест и уезжали в промышленные города, в основном на Донбасс, у кого там были родственники. Село пустело. Семья предков оставалась на месте. Чудом выжили. Говорили тогда, что голод был вызван искусственно: надо было таким способом выдавить народ из села в город для развития индустрии (Н. К.).

...У моей талантливой бабушки была еще одна, пожалуй, даже более любимая профессия, нежели портняжное дело. Она бала ретушером. И профессия, надо сказать, в то послевоенное время очень востребованная. Многие не вернулись с войны, и родственники погибших и пропавших без вести старались восстановить хоть какую-то память. Они приносили бабушке фотографии, иногда очень маленькие и стертые временем, и она делала настоящие цветные портреты (А. Н.).

Мы привели факты неброские, но значимые для писавших, почему они и сохранились в памяти семьи, но они же проливают свет и на судьбу Родины, поэтому речевой жанр оборачивается весьма актуальными событиями, делающими его «говорящим» жанром.

Скажем и о современности. Новый век, новая жизнь наложила новые трудности, многое рассекретило, но и многое оставалось за кадром. В своих комментариях мы частично упоми-

нали обо всём этом (не могли не упоминать!), хотя, впрочем, это уже другая история. Идёт третье десятилетие двадцать первого века. Много изменилось, и эти изменения не могли не сказаться на восприятии и оценке прошлого. Прошлое становится своего рода подсказкой: как раньше жили, что влияло на саму жизнь, поэтому в конце книги, в рубрике «Изменения в XXI веке», мы приводим перечень современных проблем. Здесь много подпунктов: интенсивная компьютеризация общества, цифровой номуадизм, номофобия, ослабление социальных связей, продолжающийся разлад семейных отношений, отсутствие «трёхпоколенной» семьи, позднее взросление, ослабление смысла жизни, трудность воплощения идей, редукция авторизации, женское воспитание будущих мужчин, ситуация повышенной неопределённости, вербальное образование, перепроизводство интеллигенции, продолжающееся игнорирование эмоциональной сферы, прекарный образ жизни, прокрастинация, скандализация, этническая этика, продолжающаяся недооценка нравственности. Но, что важно: при этом мы делаем проекцию на прошлую жизнь, парадоксально защищая участников от тех или иных бедствий. И это тоже добавляет актуальности к книге. Возможность учиться у прошлого сохраняется в самих текстах семейного родословия.

Продемонстрируем сказанное на одном примере. Какими фрагментами из семейного родословия парадоксально иллюстрируется нынешнее «ослабление смысла жизни»?

Когда у меня не было детей, я не знала ответа на вопрос, в чём смысл жизни? Как-то мы сидели и спорили об этом в компании. Один человек сказал: «Смысл нашей жизни – в наших детях. Мы живём ради них. А они будут жить для своих детей. Именно так движется история». Честно говоря, я тогда не поняла его. Я поняла его потом, когда у меня появился собственный ребёнок (Е. К.).

Только после рождения дочери я стала понимать, в чём смысл жизни – в ненаглядном любимом создании, что появилось у нас! С моей точки зрения семья создаётся не только ради счастья двоих, но и для счастья их детей. Дети – реальное, осязаемое воплощение любви супругов. Любовь – это тепло, нежность, радость (Ю. О.).

Богатством в доме были дети, а других материальных ценностей не было. Всё было просто: дом и маленькое хозяйство, чтобы прокормить всех домочадцев (Е. Г.).

Двадцатого ноября 2004 года наша большая семья из 58 человек праздновала золотой юбилей – пятидесятилетие совместной жизни отца и матери. Когда папа с мамой поженились, отец сказал: «Сколько Бог даст детей, столько и будет». Папа с мамой очень любят детей и внуков и переживают за каждого из них (В. Х.).

Мама моя – инженер-проектировщик, по её проектам построено много домов в нашем городе, построены школы, детсады в сельской местности,

дома культуры. По трубопроводам с голубым топливом отапливаются села нашей Белгородской области. Сколько километров газопровода спроектировано моей мамой! Отец мой был рабочим человеком, строил много новостроек, в том числе по проекту моей мамы он строил в нашем городе стоматологическую поликлинику (О. С.).

После войны у Варвары и Григория появилось еще трое детей. Всех подняли на ноги, всех воспитали, всем дали образование. А потом появились внуки, и жизнь закружилась по-новому... (Е. Н.).

Семейные родословные открывают много других моментов и требуют к себе внимания, поскольку у них срок, зависящий от памяти потомков. Когда-то С. Ю. Нагорная, путешествуя по Калмыкии, спросила провожатого: почему вы помните свой род до седьмого колена, даже малолетние ребята читать ещё не умеют, а историю рода помнят, а мы обрываем воспоминания в лучшем случае на четвертом колене. «А как же? – прозвучал ответ. – Они столько выдержали, значит, и мы выдержим. Это придаёт нам силы».

Выводы

По жизни мы нередко ориентируемся на чужие истории. В науке сравнительно недавно появилось понятие «расписание жизни». Были проанализированы темпорально-возрастные образы успеха и неудачи в жизни: в каком возрасте должна быть своя квартира, когда зарабатывать собственные деньги, вступать в брак, заводить ребенка и пр. [12]. Это как раз те ориентиры, которыми мы пользуемся, но которые тоже со временем меняются, причём некоторые меняются весьма существенно. Поэтому у чтения есть функция, может быть, главная – «А главное, они читают, чтобы писать. Познавание сразу переходит в деятельность, между ними нет больших разрывов во времени и пространстве», – подчёркивает Михаил Эпштейн [13: 26], и это тоже работает на идею книги.

Как речевой жанр семейные родословные удовлетворяют нашу тягу к бессмертию. Мы как бы видим себя с высоты, и наша смерть становится менее острой, поскольку мы включены в общий род.

Семейные родословные показывают осязаемую связь с историей страны, в этом плане они хорошо вписываются в общий строй, и это, конечно же, ценно, почему и надо продолжать писать родословные, несмотря ни на какие преграды. Великие дела надо делать, вопреки обстоятельствам, и надо начинать с себя, не совсем доверяя компьютеру, то есть делая распечатки записанного.

Случайно ли, что в своих текстах («сочинениях») их авторы признавались, что семейные родословные на многое им открывали глаза,

что настроение по мере написания повышалось, хотя речь в них шла подчас о трагических событиях, что жизнь наполнялась новым смыслом, а не только сиюминутными, подчас тоже весьма важными страстями. Последний раздел книги мы назвали «Продолжение следует...», и по большому счету так и должна заканчиваться данная книга. История Родины продолжается, и ее продолжение таится в на-

ших делах, о которых можно рассказывать не только внутри семьи и которые могут стать путеводными повествованиями для следующих поколений. История Родины, написанная сквозь призму истории семьи, при всех своих отступлениях, исключениях, особенностях и парадоксах выполняет консолидирующую функцию. Она объединяет всех нас, создает единую нацию великой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлова А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных : дис. ... канд. филол. наук, Белгород, 2004. 211 с.
2. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук, 2005. 265 с.
3. Черникова Е. М. Имена собственные в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. 243 с.
4. Харченко В. К. Личный архив семейных родословных : в 30 т. Белгород, 2013. (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620814 от 3 июня 2013 г.).
5. Павлова А. А. Жанр. Гипертекст. Интертекст. Концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
6. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в семейных родословных. Белгород : ООО «ПОЛИТЕРРА», 2011. 182 с.
7. Харченко В. К., Черникова Е. М. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 192 с.
8. Харченко В. К. История Родины в зеркалах семейного родословия. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 420 с.
9. Харченко В. К. Память о войне: семейные нарративы 75-летней давности, фрагменты истории, судьбы // Нева. 2020. № 2. С. 223–234.
10. Неуман Андрес. «Борхес бывает вампирическим». С писателем беседует Эмма Родригес : пер. с испанского // Иностранная литература. 2015. № 12. С. 254.
11. Давыдов Георгий. Лоция в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир. 2019. № 9. С. 40–91.
12. Ежов О. Н. Жизненный путь как подход в социологии и социальной работе // ПОЛИС (Политические исследования). 2008. № 3. С. 58–68.
13. Эпштейн Михаил. Текст сегодня рассчитан на многомерное восприятие. Круглый стол: «Между бумагой и цифрой: новые пути чтения» // Знание – сила. 2019. № 12. С. 26–27.

REFERENCES

1. Pavlova A. A. *Contseptosphere of intrafamily pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2004. 211 p. (in Russian).
2. Rukhlenko N. N. *The concept of “Family” in the genre of family pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2005. 265 p. (in Russian).
3. Chernikova E. M. *Proper names in the genre of family pedigrees*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2009. 243 p. (in Russian).
4. Kharchenko V. K. *Lichnyi arkhiv semeinykh rodoslovnykh : v 30 tomakh* [Personal archive of family pedigrees : in 30 vols.]. Certificate of state registration of database no. 2014620814 dated June 3, 2013. Belgorod, 2013 (in Russian).
5. Pavlova A. A. *Zhanr. Gipertekst. Intertekst. Kontseptosfera (Na materiale vnutrisemeinykh rodoslovnykh)* [Genre. Hypertext. Intertext. Conceptosphere (Based on intrafamily pedigrees)]. Belgorod, Publishing House of BelSU, 2004. 162 p. (in Russian).
6. Rukhlenko N. N. *Kontsept “sem”ia v semeinykh rodoslovnykh* [The concept of “family” in family pedigrees]. Belgorod, POLITERRA LLC, 2011. 182 p. (in Russian).
7. Kharchenko V. K., Chernikova E. M. *Lingvogenealogiia: imia sobstvennoe v zhanre semeinykh rodoslovnykh* [Linguistic genealogy: A proper name in the genre of family pedigrees]. Moscow, Knizhny dom “LIBROKOM”, 2010. 192 p. (in Russian).
8. Kharchenko V. K. *Istoriia Rodiny v zerkalakh semeinogo rodosloviia* [The history of the Motherland in the mirrors of family genealogy]. Belgorod, Publishing House “BelSU” NRU “BelGU”, 2021. 420 p. (in Russian).
9. Kharchenko V. K. Memory of the war: Family narratives 75 years ago, fragments of history, fate. *Neva*, 2020, no. 2, pp. 223–234 (in Russian).
10. Neumann Andres. “Borges can be vampiric”. Emma Rodriguez is talking to the writer. Transl. from Spanish. *Foreign Literature*, 2015, no. 12, pp. 254 (in Russian).
11. Davydov Georgy. Pilot in a sea of ink. Book two. *Novy Mir*, 2019, no. 9, pp. 40–91 (in Russian).
12. Ezhov O. N. Life path as an approach in sociology and social work. *POLIS (Political Research)*, 2008, no. 3, pp. 58–68 (in Russian).
13. Epstein Michael. The text today is designed for multidimensional perception. Round table: “Between paper and digital: New ways of reading”. *Knowledge is Power*, 2019, no. 12, pp. 26–27 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 15.01.2022
The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 15.01.2022